

О ГЕРМАНСКОЙ ЭКСПАНСИОНИСТСКОЙ ЛАТИНИЗАЦИИ БЕЛОРУССКОГО ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ПРОСТРАНСТВА В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ: «НАРОДНЫЙ» УЧЕБНИК ПРОФЕССОРА РУДОЛЬФА АБИХТА

Аннотация. К началу XX столетия во многих геополитических теориях и представлениях всех уровней рассматривались вопросы больших изменений в ближайшем будущем на политической карте Европы. Тогда же выкристаллизовалась известная концепция Mitteleuropa, весьма разно трактуемая уже на первом этапе появления, будоражащая умы по сей день. Первая мировая война, захват германскими войсками огромных пространств на западе Российской империи сделали возможным появление на их части отдельной оккупационной зоны «Das Land Ober Ost», при создании которой руководствовались как военно-стратегическими, так и политико-социальными идеями высшего армейского командования, в том числе его видами на латинизацию белорусского культурно-религиозного пространства, включая школьное дело. Именно тогда и был подготовлен и издан в 1918 г. в Бреславле (Вроцлаве) профессором Бреславльского университета пастором Рудольфом Абихтом (1850–1921) реформаторский латинографичный учебник белорусского языка, который виделся автору, по сути, общенародным, способным в условиях «германских побед» предоставить белорусам возможность «освободиться от пут... русского письма».

Ключевые слова: латинизация белорусского письма, кирилло-мефодиевское наследие, православие, Первая мировая война, школьное образование, Германия, Обер-Ост, Рудольф Абихт.

Ссылка при цитировании: Лабынцев Ю. А. О германской экспансионистской латинизации белорусского образовательного пространства в годы Первой мировой войны: «народный» учебник профессора Рудольфа Абихта // Традиции и современность. 2023. № 34. С. 3–18

Лабынцев Юрий Андреевич (Labyntsev Yuriy Andreevich) – доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник Института славяноведения РАН, эл. почта: jlabync@mail.ru,
ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-7900-6143>

Научный православный журнал «Традиции и современность». 2023. № 34. С. 3–18

ISSN 2687-1122; ISSN 2687-119X || <http://naukapravoroslavie.ru>

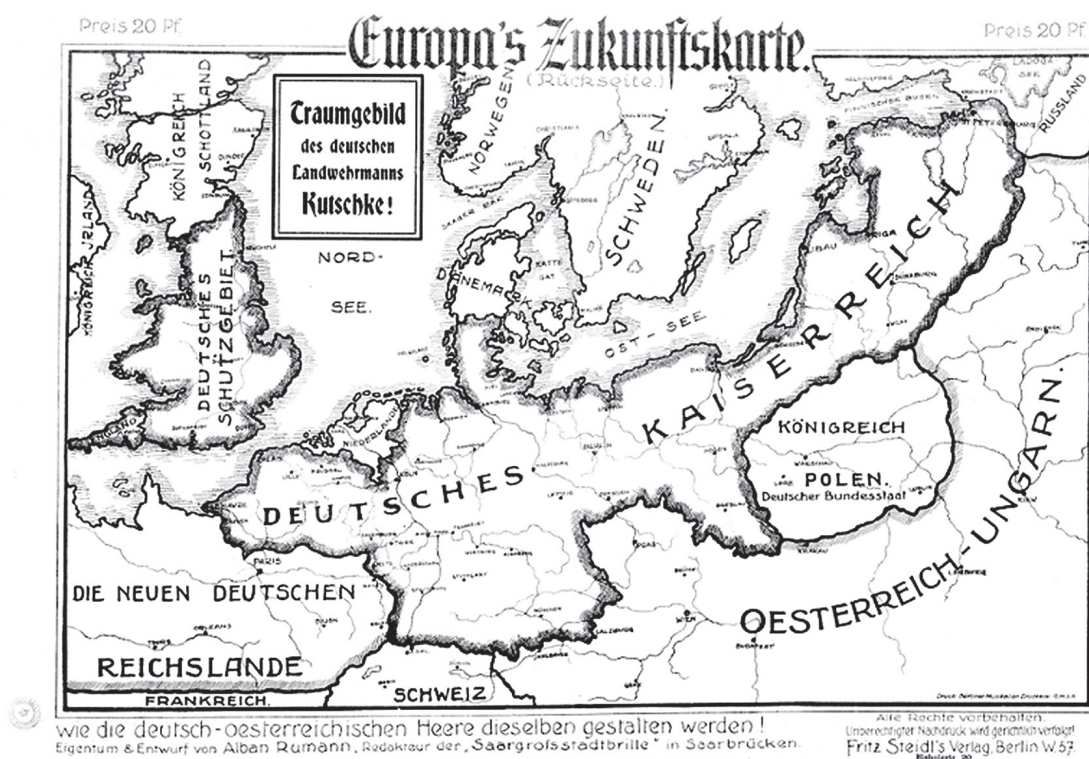
УДК – 93/94+21/29; ББК – 86.37-4; <https://doi.org/10.33876/2687-119X/2023-34/3-18>

Германские планы начала XX в. по переустройству всей Европы и взятию под свой контроль многих стран, полному захвату целого ряда из них, включению гигантских территорий Российской империи в состав своего государства весьма наглядно отображает двадцатипеннинговая карта немецко-австрийских «сновидений» «Europas Zukunftskarte», издававшаяся в Берлине в первой половине 1910-х годов¹. Эта «Будущая карта Европы», или «Карта будущего Европы» весьма концентрированно и жестко представляла всем новое политическое мироустройство на континенте.

Реализация этих вынашивавшихся в последние десятилетия общих планов вскоре стала осуществляться с определенной конкретизацией и корректировкой с учетом времени и места. В ходе Первой мировой войны на занятой Германией западной части Российской империи было создано военное квазигосударственное образование в виде особой оккупационной зоны, получившей наименование «Das Land Ober Ost» («Край Ober Ost»), насчитывавшей около 3 млн человек и просуществовавшей 3 года, начиная с осени 1915 г.² В этом многонациональном территориальном образовании германские военные власти, поставив под свой жесткий контроль всякую общественную деятельность, организовывали, в частности, школьное дело и местную печать, в том числе для белорусов.

Своеобразным идеологом и руководителем социальной жизни в Ober Ost был начальник Генерального штаба Эрих Людендорф (Ludendorff 1919), подчинявшийся генерал-фельдмаршалу Паулю фон Гинденбургу. Через год после начала войны, осенью 1915 г. германское командование формирует специальное Главное военное управление Ober Ost с центром в Ковно, которое в начале 1917 г. переносится в Белосток, а после проведения мирных переговоров в Бресте в мае 1918 г. – снова в Ковно³. Непосредственным руководителем этого управления был П. фон Гинденбург. Это управление в свою очередь имело в своем составе комплекс административных структур, в том числе и отдел «Религиозных и школьных дел», который наряду с отделом «печати» стал одной из главнейших административно-организационных структур германской белорусизации в Ober Ost.

Нельзя сказать, что к настоящему моменту мы имеем достаточно работ, посвященных той или иной стороне жизни в Ober Ost, как и вообще общей его истории. Впрочем, весьма мало и противоречиво изучалась и сама идейно-политическая обстановка, сложившаяся тогда на захваченных землях (Watson 2014). В нынешних условиях принципиально важно отметить векторные трактовки современных ученых Европейского Союза, всегда предъявлявших и, как видится сейчас, в ряде случаев все еще предъ-

«Видение немецким ополченцем Кутшке» будущих германско-австрийских завоеваний в Европе, отображенное на карте «Europas Zukunftskarte» (Berlin, [1915])

являющих, хотя бы чисто научно-исторически, свое право на земли на Востоке. Особенно это заметно на примере трактовок немецких⁴ и польских⁵ исследователей, связанных с проблемой восточных земель давней Речи Посполитой, частью которой была территория современной Белоруссии.

История школьного дела в Обер Ост собственно с белорусской точки зрения специально стала изучаться совсем недавно, хотя первые научные обобщения на эту тему были сделаны еще в 1920-е годы и даже несколько ранее, а более трех десятилетий назад польский ученый белорусского происхождения Ю. Туронек стал активно возвращаться к этой тематике уже на новой основе. Ему принадлежит ряд важных констатаций, касающихся данного вопроса, например о «позиции польского католического духовенства», которое всячески «противилось открытию школ на родном языке для белорусских детей-католиков» и практически вводило свой внутриконфессиональный запрет не только на использование белорусского языка, но и на возможность именовать себя белорусами (*Turonek* 1989: 22–23). Углубленным продолжателем штудий Ю. Туронка по истории белорусской школы в Обер Ост в контексте судеб других национальных школ стал В. Ляховский, автор специальной монографии, в которой, правда, есть и немало только намеченных для подробного рассмотрения проблем, например, тогдашние немногочисленные учебные пособия всего лишь кратко упоминаются без какого-либо их анализа (*Ляхоўскі* 2010). Нужно сказать, что первые начальные белорусские школы с преподаванием на белорусском языке и белорусского языка единично уже пытались создать в первые годы XX в. Классический, хотя и почти единственный пример – это деятельность известных писателей: народного учителя К. Мицкевича (Якуба Колоса) и А. Пашкевич (Тётки). Однако на белорусских землях в многочисленных начальных школах Российской империи, прежде всего в самый первый период обучения белорусских детей, живой народный белорусский язык повсеместно по факту использовался уже по крайней мере с середины XIX в. Не существовало собственно узаконенной системы начального белорусскоязычного образования или хотя бы разрешенной возможности для белорусских национальных активистов попытаться создать подобную систему.

Военные власти Обер Ост признали равноправие национальных языков всех основных народов, живших на этой территории, и даже стали финансировать местное начальное образование на них, в том числе и белорусское. При этом русские школы оказывались под запретом, хотя русский язык использовался в Обер Ост широко. Начальные же национальные школы в Обер Ост были очень сильно

германизированы и преподавание немецкого языка составляло очень большую часть учебного времени. По существу, почти всякая местная национализация в Обер Ост начального образовательного процесса в конечном итоге становилась своеобразной его германизацией, которую в основном проводили военные.

Несколько автономно от этого осуществлялось создание белорусских школ группой национальных энтузиастов во главе с братьями Луцкевичами, Алоизой Пашкевич и Болеславом Пачобкой. В конце 1915 г. им удалось на скромные средства открыть в Вильно первую такую начальную школу, а затем трехмесячные учебные курсы и еще несколько подобных школ, в том числе одну в Гродно. Помимо отдельных архивных документов, освещающих эти события, сохранилось несколько достаточно кратких обобщающих воспоминаний непосредственных участников и наблюдателей их. Так, Ю. Дубейковская (псевдоним Кветка Вітан), виленская немка, активная деятельница белорусского движения, близкая знакомая Тётки (А. Пашкевич), писала о тех днях: «Первую белорусскую школу Комитет открыл в Вильно своими стараниями и на свои средства. Однако на дальнейшее развитие школьного дела необходимы были белорусские учителя, которых никто не готовил, ибо, как известно, российские власти не разрешали белорусских школ. Для этого Комитет организовал трехмесячные белорусские учительские курсы. Все учителя на курсах работали бесплатно, один заведующий курсов Б. Пачобка имел небольшую оплату от Комитета. Эти курсы находились... на Юравском проспекте... Там был класс с лавками и учебными приспособлениями. В этом помещении после окончания курсов была открыта белорусская начальная школа. Дело по созданию белорусских школ вскоре пошло вперед. В начале 1916 г., после больших стараний Белорусского комитета, немецкие власти открыли новые белорусские школы в местностях, где население говорило по-белорусски... В самой Вильне в конце 1916 г. было уже шесть белорусских начальных школ» (*Кветка Вітан* 1974: 60–61).

Осенью 1915 г. Э. Людендорф подошел вплотную к рассмотрению белорусского вопроса, заинтересовался судьбой белорусов, пытаясь «отыскать их» на подведомственной ему оккупированной территории, на которой «поляки лишили их национальности» (*Ludendorff* 1919: 145). Почти одновременно и несколько позднее сами белорусы начинают обращаться к немецким военным властям с разными просьбами по поводу организации различных национальных начинаний. Так, отдельные белорусские деятели в Вильно просят оккупационные власти разрешить издание периодических изданий на род-

Профессор пастор Рудольф Абихт.
Фото 1890-х годов

ном языке (БДАМЛМ: Е. х. 119. Л. 4), что поддерживается и руководством местного Белорусского общества по оказанию помощи пострадавшим от войны (БДАМЛМ: Е. х. 119. Л. 6–7), которое было создано еще в апреле 1915 г. по решению виленского губернатора⁶. Это Общество организует специальную школьную комиссию, нацеленную на формирование собственно белорусской национальной образовательной системы (БДАМЛМ: Е. х. 124), которая становится целиком зависимой от германских военных властей (БДАМЛМ: Е. х. 126). Протоколы немногочисленных в сумме заседаний школьной комиссии начиная с первого, датированного 2/15 октября 1915 г., дают самое наглядное представление не только о состоянии и возможностях организации тогда белорусского школьного дела в Ober Ost, но и об уровне подготовки к этому самих инициаторов и организаторов, их компетенции, состоянии знания о белорусском языке, его кодификации и многом другом. Например, после ряда дискуссий комиссия «приняла аканчацельна гэткую тэрміналогію. Названьне “арытмэтыка” пакінуць, уважаючы, што яно дужа крэпка ўкаранілася ў народзі. Пры перэкладзі-ж даслоўныя на беларускую мову можна ужываць поруч з словам “арытмэтка” ішчэ і “навука аб ліку»» (БДАМЛМ: Е. х. 124. Л. 2–3).

По задумке школьной комиссии в белорусской начальной школе в первый год «навука і кніжкі, калі толькі можна, павінны быць толькі беларускіі». На

второй год обучения при общем преподавании на белорусском языке «кніжкі могуць быць і ў чужых мовах – павэдзе патрэбы. Можна прыступіць да навукі аднэй с краёвых моў – поруч з беларускай» (БДАМЛМ: Е. х. 124. Л. 4). На виленских курсах для учителей белорусских народных школ предполагалось также преподавание немецкого и польского языков (БДАМЛМ: Е. х. 124. Л. 4–5). В «першай беларускай школе ў Вільні» помимо белорусского в старших группах по меньшей мере два дня в неделю планировали заниматься польским и немецким языками. Сведения о самом моменте открытия этой первой белорусской школы в архивных документах весьма лаконичные: «П. Пачобко здаў справу аб школе Б-го Т-ва пом. нац. ад вайны, аткрытай в суботу 13/XI/1915 г. – Вучняў да 16/XI запісалася 36 (хлопцаў і дзяўчынак разам). Яны падзяляны на тры групы. Поруч з беларускай вучаць і польскай мовы. Навука рэлігіі – па просьбе ўсіх вучняў – адбываецца па беларуску» (БДАМЛМ: Е. х. 124. Л. 5).

Прекрасно осознавая сложнейшее положение с состоянием изученности белорусского языка и отсутствием самых элементарных рекомендаций по его использованию, члены школьной комиссии в форсированном режиме пытаются хоть как-нибудь заполнить огромные лакуны: «Адбылася агульная гутарка аб тэрміналогіі у граматыцы. Прызнана патрэбным кіравацца тым, каб тэрміны граматычныя былі як найбліжэйшыя да сэнсу, які ў іх ёсць, ня глядзячы на гатовыя тэрміны ў блізкіх нам мовах» (БДАМЛМ: Е. х. 124. Л. 6 об.). Все эти трудности заставили в конце концов создать особую подкомиссию по подготовке занятий по белорусской грамматике и «паручыць п. А. Луцкевічу ўзяцца за падрыхтоўку граматыкі дзеля выкладу на курсах» «для падгатоўкі вучыцеліў народнай школы» (БДАМЛМ: Е. х. 124. Л. 8). Примечательно, что одновременно сам А. Луцкевич предлагает себя в качестве переговорщика с польской стороной по оказанию ей помощи по введению белорусского языка в польские школы. В то же время в белорусских школах комиссия предлагает ввести и преподавание литовского языка, ибо «літоўская мова мае роўныя правы с польскай, як краёвая...» (БДАМЛМ: Е. х. 124. Л. 10 об.).

15 февраля 1916 г. при активной технической, материальной и организационной поддержке оккупационных властей в Вильно начинает выходить белорусскоязычная газета «Номан», которая стала своеобразной летописью белорусского движения не только в Ober Ost, но и отчасти на всех белорусских землях и даже за их границами. К сожалению, сколь-либо подробно ее история не изучалась, да и сам полный комплект номеров газеты латиниграфического и кириллографического вариантов

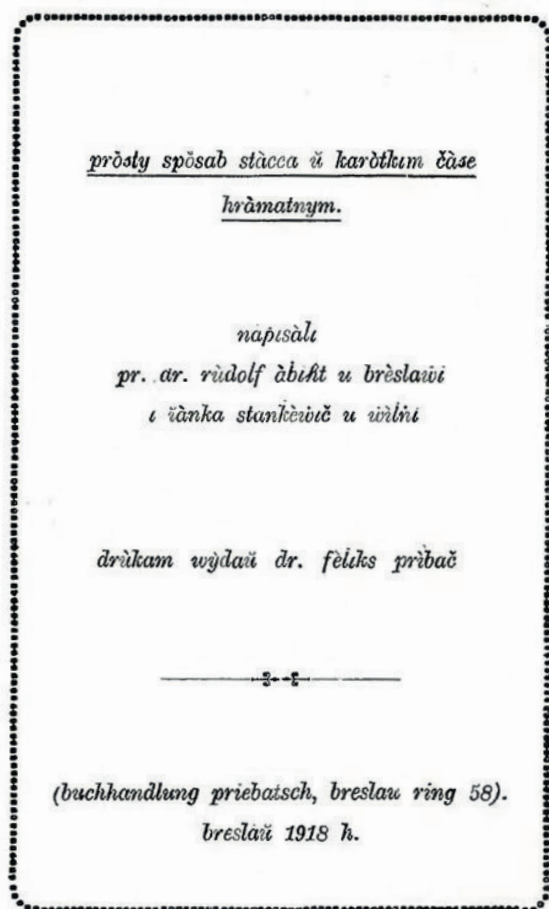
не сохранился. Во главе этого издания были все те же немногочисленные лица: братья Луцкевичи и Вацлав Ластовский. «Номан» довольно жестко цензурировался, что являлось неизбежным, и, по признанию самого А. Луцкевича, не имел непосредственного контакта со своими потенциальными читателями – это было, по сути, запрещено, что полностью лишало всю небольшую авторско-редакционную группу газеты возможности хотя бы в самой малой мере стать не только теоретическими, но и практическими организаторами белорусского национально-культурного движения в Обер-Ост. Не только деклараторами некоторых политических национальных идей, но и их самостоятельными независимыми воплощателями. Мы до сих пор не знаем, кто читал «Номан», кем вообще были его читатели, сколько их насчитывалось и какое влияние могли иметь и имели на белорусских жителей в Обер-Ост материалы газеты, среди которых было огромное множество сугубо официальных текстов оккупационных властей и перепечаток из местной и зарубежной прессы. При этом необходимо учитывать, что вплоть до осени 1916 г. «Номан» печатался только латиницей, не угодной православным белорусам, а из-за белорусского языка и многим белорусам-католикам, привыкшим читать на латинице польскоязычные тексты и считавшим себя поляками. За весь почти трехлетний срок существования газеты (1916–1918) на её страницах появилось немало заметок, в той или иной степени касающихся организации в Обер-Ост белорусского школьного дела, в том числе и связанных с деятельностью профессора Бреславльского университета пастора Рудольфа Абихта (1850–1921). Белорусских начальных школ, непосредственно организованных и управляемых германской военной администрацией, было в десятки раз больше, нежели тех нескольких, созданных группой виленских энтузиастов-белорусов, общее их число приближалось к 200. К тому же немцам удалось на своих условиях возобновить работу известной учительской семинарии в Свислочи (Ляхоўскі 2018), основанной еще в начале XIX в. в качестве гимназии, а с 1876 г. – особого специального педагогического училища.

Отсутствие тогда специальной учебной литературы для белорусской национальной школы, прежде всего по белорусскому языку, инспирировало ряд попыток заполнить эту почти абсолютную лакуну. Один из подобных опытов принадлежал Р. Абихту и молодому общественному деятелю Янке Станкевичу (1891–1976), подготовившим и издавшим в 1918 г. в Бреславле (Breslau – Вроцлаве) небольшой по объему учебник «pròsty spòsab stàcca u karòtkim čáse hràmatnym». Эта шестнадцатистраничная книжечка между тем стала серьезным и весьма пока-

зательным итогом большой, хотя и очень краткой работы ушедшего на пенсию немецкого пастора профессора Р. Абихта, активно обратившего свой интерес к белорусской тематике и белорусскому языку только после начала Первой мировой войны и захвата германской армией территорий западной части Российской империи⁷. В мировой славистике и русистике он, пожалуй, наиболее известен как знаток «Слова о полку Игореве» (Буланін 1995). Первые знакомства с белорусским языком у Абихта были заочными, кабинетными, с помощью немногочисленных изданий, попавших в его руки. В этом помогали его знания признанного специалиста в области русской и польской филологии, а также официального переводчика с этих языков. В среде современных польских исследователей, в том числе работающих во Вроцлавском университете, преобладает мнение, что Абихт «к полякам и польскости относился враждебно» и как ученый и как духовная особа, проводившая германизаторскую деятельность. В конце 1916 г. в Бреславле он организует ряд научно-популярных лекций-докладов, в которых рассказывается о белорусах, что позволяет говорить о начале тогда вроцлавской белорусистики (Poźniak 1994), с учетом факта, что около половины его слушателей составляли военные⁸.

Помимо отдельных документов об Абихте, хранящихся, например, в отделе рукописей Библиотеки Академии наук Литвы имени Врублевских (LMAVB.Rs), наиболее ценное, хотя и достаточно фрагментарное архивное собрание, касающееся его связей с белорусами в Обер-Ост, находится в Белорусском государственном архиве-музее литературы и искусства (БДАМЛМ: Е. х. 261). Частично эти документы изданы благодаря В. Соколовскому, много сделавшему для увековечивания памяти Абихта как немецкого белорусиста. Правда, все они имеют скорее незавершенный, предварительный характер, как и указанная публикация документов, лишенная даже полагающегося научного комментария (Сакалоўскі 1994).

Необходимо заметить, что попытки создать собственный учебник белорусского языка предпринимались и несколько ранее, и одновременно с Р. Абихтом. Пальма первенства здесь в том числе принадлежит Б. Пачобке и братьям Луцкевичам, которые как наставники на курсах будущих белорусских учителей непосредственно и остро ощущали эту насущную проблему. Пачобка подготовил такой учебник и стал распространять в рукописных списках, печатный вариант его «Hramatyki biełaruskaj mowy» появился в Вильне лишь в марте 1918 г. Абихт в начале 1917 г. так публично высказался о подобном учебном пособии, известном ему в рукописи, посланной в Бреславль: «Белорусская Грам-

Титульный лист учебника белорусского языка
Р. Абихта «*prōsty spōsab stācca u karōtkim čāse*
hrāmātnym» (breslaŭ, 1918)

матика – это бесспорно очень отважная работа. Это фундамент, на котором уже можно строить дальше с надеждой...»⁹.

Без понимания того, что происходило тогда внутри белорусских начальных школ, как, так сказать, общественных, так и организованных германским военным командованием, кто были их ученики, каким был распорядок занятий и т. д., совершенно невозможно более или менее правильно оценить не только общий ход обучения, но и его конечные результаты, в том числе и в ракурсе практической белорусизации. К сожалению, конкретных данных об этом сохранилось очень мало и потому перво-степенный интерес представляют, например, некоторые польские документы, авторы которых, хотя и не без определенной излишней критичности, дают достаточно убедительное общее представление о характере таких начальных белорусских школ. Так, в мае 1917 г. хорошо информированный польский наблюдатель доносил руководству начавших подготовку к государственному возрождению польских

сил, что «после организации польского школьного дела» германские власти «начали агитацию в направлении создания белорусских школ». Несмотря на значительные подобные усилия как в городе, так и в деревне, удалось открыть «только один отдел белорусской школы в Гродно, куда ходят дети православных». А учительница, приехавшая из Вильно, «чаще использует польский язык нежели белорусский». Оценка наблюдателем общей ситуации следующая: «Белорусское школьное дело не имеет ни в Гродно, ни в его окрестностях никакого будущего» (Snopko 2014).

Тем не менее действия германского военного командования в деле белорусизации, что особенно заметно сказалось в организации школ и выпуске белорусскоязычных периодических изданий, дали определенные результаты, которые несколько позднее петербуржец, а затем профессор-славист Берлинского университета Макс Фасмер, участник известной академической конференции 1926 г. в Минске по реформе белорусского правописания и азбуки, оценивал, видимо, относительно положительно. Он считал, что «немецкий народ своей оккупацией сделал меньше вреда, чем другие народы, что немецкая оккупация была умней, чем оккупация в других местах во время войны». При этом он, видимо, имел в виду и попытку бреславльского профессора Абихта – немецкого ученого и в то же время пионера исследований белорусского языка, одного из первых составителей учебника по белорусскому языку – внести свою лепту в дело германской белорусизации в Обер-Ост (Працы акадэмічнае канфэрэнцыі 1927: 399–400).

Учебник этот (*ābiht, stankēwič* 1918), предлагавший использовать свой собственный, разработанный его авторами, азбучный ряд из 45 знаков латиницы, составлен был прежде всего с ориентацией на белорусов-католиков, которые уже давно и к тому времени активно пользовались польским ее вариантом. Позиция авторов учебника и прежде всего Абихта, которые были убеждены в необходимости «освободиться от пут польского или русского письма», вполне соответствовала видам военного руководства Обер-Ост по использованию белорусами именно латиницы.

Готовить указанный учебник Абиخت начал, едва заочно познакомившись с белорусским языком. Судя по рукописным материалам А. Луцкевича, уже к весне 1917 г. Абиخت подготовил «проект реформы» белорусского правописания, который был положен в основу его учебника. Проект этот виделся А. Луцкевичу нежизнеспособным, «негодным для... использования». В целом же, по его мнению, «реформа... Абихта» – всего лишь «лишний балласт» (Сакалоўскі 1994: 63–64).

Возможно, именно данное обстоятельство, внутреннее несогласие с «проектом реформы» Абихта стало основной причиной неучастия Луцкевича в качестве соавтора-консультанта при подготовке немецким славистом учебника белорусского языка. А. Луцкевича, который публично в печати не высказывался столь резко против реформаторских предложений Абихта, заменил другой «природный белорус» – Я. Станкевич. Видимо, учебник Абихта-Станкевича, главная роль в создании которого принадлежала бреславльскому профессору, был в основном подготовлен в рукописи уже к концу 1917 г. Оставалось лишь напечатать его, при этом основной трудностью стало создание специальных шрифтов предлагавшейся новой белорусской латинографической азбуки. Именно эта сложная проблема стояла тогда весьма остро перед Абихтом и издателем учебника, известным историком Ф. Прибачем, а также владельцем типографии М. Шмерсов, что действовала в городке Кирххайм в земле лужичан. Тем не менее к исходу весны 1918 г. учебник Абихта-Станкевича «*pròsty spòsab stàcca u karòtkim čáše hràmatnym*» вышел в свет и, по сути, почти сразу же стал всего лишь весьма любопытным и до сих пор не изученным фактографическим свидетельством трехлетнего периода германской белорусизации в Ober Ost.

В дальнейшем этот учебник был практически забыт. Не вспоминал о столь, казалось бы, важной совместной работе с Абихтом и проживший долгую жизнь Я. Станкевич. А главное, общим попыткам латинизации белорусского письма, а тем более таким, как в случае с реформой Абихта, уже через несколько лет вынесли свой компетентный приговор и немецкие ученые. В 1926 г. М. Фасмер обнародовал на этот счет специальный вердикт: «в настоящее время латинский шрифт совсем не подходит для белорусской орфографии» (Працы акадэмічнае конфэрэнцыі 1927: 154). До наших дней сохранилось всего несколько экземпляров учебника Абихта-Станкевича, который зарубежные слависты и природные белорусы-исследователи, жившие и живущие за границей, не всегда могли даже правильно описать¹⁰. Тираж учебника был мизерным, а круг распространения весьма ограниченным, охватывающим некоторую малую часть лиц, интересующихся Восточной Славией. Какого-либо практического распространения в белорусской народной среде он не имел, хотя авторы адресовали его именно неграмотным белорусам, которые, по их мнению, по этому пособию должны были быстро научиться грамоте: «*niehràmatnyie maladúie dy starúie, z bòham! u dòbry čas! wučúćeśa!*».

Примечательно вступление к учебнику, в котором в лапидарной форме раскрыт взгляд Абихта не

– 10 –

u (*uđòđ*). XVII = 17.
dub. buda. tuta.ka. dumà.
wùha. wus. uròda. urùsa,
kut. rukà. dudà. dùtka.
pùha.

a. b. d. h. š. k. l. m. n.
o. p. r. s. t. u. w. z.

i (*indyk*). XVIII = 18.
wa. i. idol. izràna.

a. b. d. h. š. i. k. l. m.
n. o. p. r. s. t. u. w. z.

y (*[r]yba*). XIX = 19.

ryba. ty. wy. my.
try bàby. bòty. dym.
lįsy. dðbry. starį.
šwòry. slabį. malį.

zdaròwy.

a. b. d. h. š. i. k. l. m. n. o. p. r. s. t. u.
w. y. z.

e (*epalety*). XX = 20.
epalety. epalet. palety.
èkspens.

a. b. d. e. h. š. i. k. l.
m. n. o. p. r. s. t. u. w. y. z.

Страница учебника белорусского языка Р. Абихта «*pròsty spòsab stàcca u karòtkim čáše hràmatnym*» (breslaŭ, 1918)

только на белорусский язык и его особенности, но и на весь белорусский народ. Однако прежде всего бреславльский профессор, «друг этого народа», делает в общем-то важнейшие политические заявления в духе германских теоретиков и практиков победоносного движения на Восток, а рассуждения о языке дают прекрасную возможность научно-гуманистически и культурологически как бы углубить и упрочить такое движение, закамуфлировать его и в конечном итоге полностью оправдать. «Первая ступень образования, – утверждает Р. Абихт, – это грамотность. Большая часть белорусского народа еще не встала на эту ступень, но каждый друг этого народа должен желать, чтобы белорусы как можно быстрее научились читать и писать. Это даже и не трудно; необходимо только освободиться от пут польского или русского письма и твердо стать на белорусской основе. Все еще идет спор о том, является ли белорусский язык перекручиванием польского или русского, однако быстрее бы перестали спорить и признали бы белорусский язык как самостоятельный, когда бы белорусы имели свою соб-

ственную азбуку и основанную на ней белорусскую грамматику. И так скажем короткими словами, как по нашему нужно писать по-белорусски». То есть после всего лишь годичного и почти исключительно кабинетного знакомства с белорусским языком ушедший на пенсию ученый, пользующийся только некими фрагментарными практическими языковыми консультациями молодого белоруса Я. Станкевича, которого он объявил соавтором, смело берется предлагать всему белорусскому народу путеводную нить вхождения в цивилизованный западный европейский мир – свой собственный учебник белорусского языка, который он именует «нашим».

Легковесность подходов Абихта к столь сложной проблеме, как создание белорусских языковых учебных пособий, над чем тогда стали трудиться многие природные белорусы, знавшие живой белорусский разговорный язык и пытавшиеся создать свой собственный литературный, оттолкнула многих из них от сотрудничества со столь активным брестским профессором. Отдавая должную дань уважения представителю признанной западной науки, заинтересовавшемуся родной белорусской тематикой, они уже в период подготовки Абихта к написанию учебника более чем критично отзывались о его методах и подходах, необычайно упрощенном видении всей ситуации, связанной со столь сложной задачей и ее реализацией. С высоты своей немецкой учености Абихт критиковал белорусских коллег, работавших над созданием учебников родного языка, при этом, видимо, критика эта имела в определенной степени характер доноса в германские оккупационные сферы. Об этом, например, свидетельствует записка А. Луцкевича, датированная весной 1917 г. (*Сакалоўскі* 1994: 63–64). В ней, прекрасно сознавая, что Абихт претендует ни много ни мало на роль и лавры первого реформатора белорусского правописания, белорусский деятель, много и бескорыстно помогавший брестскому отставному профессору, с горечью констатирует: «его проект реформы... хорош для точных научных записей, а не для практичного использования – особенно не для обучения детей... реформа пр. Абихта как бы имеет в основе интересы людей незнакомых с белорусским языком... при обучении детей это – лишний балласт, совсем непонятный ученикам».

Таким образом, в немногочисленном виленском белорусском образованном обществе, исповедующем национальные политические идеи, отношение к белорусским языковедческим штудиям Р. Абихта, особенно в сфере обучения их родному языку, было вполне определенным. Отрицательное отношение к этому учебнику постепенно высказали и все остальные белорусские деятели, так или иначе связанные с изучением и преподаванием белорусского языка,

вплоть до академика Е. Ф. Карского. Прекрасно понимая, что подход Абихта легковесен, плохо проработан и по сути авантюристичен, А. Луцкевич замечал: «Проф. Абихт исходит из совсем ошибочного взгляда на мою работу как на попытку реформы белорусского правописания: это – совсем не реформа, а представление в кратком виде тех правил, какие фактически установлены почти столетним (от середины первой половины XIX в.) использованием у части белорусов латиницы и двадцатилетней работой белорусских культурных работников времени возрождения, проводивших частичную реформу... Таким порядком, если в моей книжке есть вещи, которые пр. Абихт считает нерациональными, так это вина не книжки, а установленной традиции. Дабы их исключить, необходимо было бы провести радикальную реформу белорусского правописания, привлекая для этой общенациональной задачи все белорусские научные силы, какие теперь находятся в России, и белорусских культурных работников, 90% которых оказалось за фронтом. А теперь во время войны нельзя и говорить о такой реформе, опираясь только на теоретические взгляды». Насколько был прав в своем мнении А. Луцкевич и катастрофически неправ в погоне за личным приоритетом Р. Абихт, свидетельствуют факт проведения в 1926 г. в Минске специальной «Академической конференции по реформе белорусского правописания и азбуки» (*Працы акадэмічнае конфэрэнцыі* 1927) и недавно изданная известным австрийским лингвистом Г. Бидером двухтомная книга, явившаяся комментированной энциклопедической публикацией одной из тех давних «книжек» виленского белорусского деятеля, столь остро раскритикованного брестским профессором¹¹.

Р. Абихт всячески пытался привлечь к своей работе А. Луцкевича, который, несомненно, виделся ему едва ли не главной белорусской интеллектуальной фигурой в Вильно. В своих письмах он прямо призывал виленского деятеля к этому, ибо «если мы оба соединим свои силы... будет хороший результат», однако А. Луцкевичу под всякими предложениями, в том числе крайней занятости, удается отказаться от подобного сотрудничества, не порывая в то же время установившихся уже контактов. Высказанное пожелание Абихта: «Задача наша требует такого человека, который бы при знании исторического развития славянских языков, владел живым белорусским языком», – реализовалось участием в его деле Я. Станкевича, несомненно рекомендованного А. Луцкевичем. Собственно главный вклад в это общее взаимодействие с брестским профессором у Станкевича свелся в основном к языковому редактированию написанного немецким ученым мэтром в духе, как он сам постоянно желал, «поправления

моего письма». На различные теоретические и основные практические предложения Абихта Станкевич едва ли оказывал хоть какое-либо заметное влияние. Показательна здесь едва ли не самая заметная идея Абихта о введении 45 знаков латиницы для обозначения звуков белорусской речи, с чем категорически был и тогда и много позднее не согласен весь образованный мир, в том числе А. Луцкевич и Я. Станкевич, которые в том же 1918 г. высказали на сей счет свое полностью отличное мнение¹².

Более того, к 1918 г. общая проблема «латинизации» стала восприниматься далеко не однозначно и в среде виленских национально ориентированных белорусов, включая часть католиков. В данной связи примечательны слова А. Луцкевича, написанные им через несколько лет после этого, посвященные проблеме белорусского письма: «... знание одной латиницы без кириллицы, лишая нас возможности пользоваться литературой более близких нам украинцев и русских, открывает доступ, да и то весьма трудный – только до более далекой нам польской литературы». Прекрасно осознав, что «“латинизация” белорусского письма и начальной школы является для нас тяжелой горечью», виленские белорусские деятели уже через год после возникновения Обер Ост попытались исправить эту явную ошибку, на что в конце концов вынуждены были согласиться и их германские кураторы. А. Луцкевич позднее вспоминал: «Попытку “латинизации” белорусской письменности во имя той же связи с культурой Запада сделали... немецкие оккупационные власти. Они вначале запретили печатать на белорусском языке кириллицей и разрешали только латинографические издания. Также они старались вводить латинографические учебники в белорусские школы. Однако уже через год вынуждены были сделать уступки кириллографическим изданиям, а в белорусских школах, несмотря на все запреты, учителя обучали детей читать и писать как латиницей, так и кириллицей. Вопросом о шрифте в то время занялась важнейшая... культурная организация – Белорусское научное общество... Признавши, что окончательное решение этого важного вопроса только частью Белоруссии, отделенной военным фронтом от Восточной Белоруссии, абсолютно невозможно, Общество приняло резолюцию, которая протестовала против навязывания немцами силой латиницы и призывала учительство и образовательные организации не отказываться от кириллицы и использовать ее равноправно с требуемой немецкими оккупантами латиницей» (А. Н. 1925).

Важно отметить, что появление у Р. Абихта непосредственного интереса к белорусскому языку совпало с моментом публикации германским командованием в Обер Ост распоряжений об исполь-

зовании на этой территории языков местного населения, в том числе белорусского. Произошло это в середине января 1916 г., о чем со всевозможными важными комментариями позднее писал А. Луцкевич (БДАМЛМ: Е. х. 48. Л. 15–18), отмечавший, что распоряжения эти «весьма характерные для национальной политики немецких оккупационных властей – политики, которую они твердо проводили согласно намеченным» правилам. Запретив использование русского языка «во всех школах», «немецкая администрация запрещала печатать на белорусском языке гражданским шрифтом, и разрешение на выпуск белорусской газеты “Томан” в Вильно было дано вначале при условии печатания его латиницей... Все официальные объявления и распоряжения немецких властей, публиковавшиеся... также и на белорусском языке, печатали белорусский текст исключительно латиницей... Относительно других изданий (книжек и т. п.) запрет печатать гражданкой действовал до конца оккупации».

И в школьном деле, и в издательском белорусская общественность в Обер Ост находилась под полным контролем военных властей, практически вся их содержательная сторона подчинялась в итоге германским интересам, за чем тогда тщательно наблюдали и особые представители командования, такие как Эдмунд Зуземиль, который оказывал большое влияние на весь процесс, считая себя особо выдающимся знатоком «белорусского вопроса» (Кветка Вітан 1976; Пашкевіч, Чарнякевіч 2005). Совсем не случайно в 1918 г. А. Луцкевич вынужден был писать Абихту о неприглядной роли этого человека, который, по словам современного нам исследователя А. Н. Чернякевича, «“создал” белорусов не вообще, а только для немецкого командования, насколько позволял его пост, продвигая идею о самостоятельности белорусской нации среди высшего армейского руководства». При этом «те белорусские деятели, кто был с ним знаком, не сомневались в его связях с разведкой и называли не иначе как “старый немецкий агент”, “немецкий шпион” или “давний работник немецко-кайзеровской разведки в царской России”» (Чернякевич 2018: 25–26). Недавний пинчанин Зуземиль, знакомый Якуба Коласа, оказывается и одной из главных фигур, влиявших на зародившиеся поиски в сфере создания белорусской учебной литературы в Обер Ост, прежде всего языковой. Несмотря на оценку общественности, что Зуземиль «ведет очень вредную для белорусского дела работу», ему так или иначе удастся вовлечь в подобную деятельность и Абихта, который, по сути, способствует апробации грамматики Б. Пачобки, выпущенной в 1918 г.¹³ Утверждение Зуземиля, что эту «грамматику одобрил» сам Абихт, который как бы становится не только научным ре-

цензентом, но и своеобразным авторитетным политико-административным куратором этого издания, и потому уже «не имеет смысла обсуждать» ее в местной белорусской образованной среде, было по существу диктаторским. А. Луцкевич с горечью писал о подобном игнорировании, являвшемся непреодолимым немецким произволом, насильственным навязыванием важнейшего языкового руководства для белорусских школ, которое было полно ошибочных подходов и правил. Невозможность действительно протестовать против подобного произвола привела к тому, что «Комиссия Белорусского научного общества в Вильно, избранная... 1 мая 1918 г.»¹⁴, смогла напечатать тогда же в Минске, где «еще не успел наладиться немецкий административный аппарат»¹⁵, свое экспертное заключение о грамматике Б. Пачобки. В нем, в частности, говорилось, «что книжка эта не может служить для обучения белорусскому языку, как в начальных школах, так и вообще, а тем более не может быть принята за основу при подготовке школьных учебников». Вся она наполнена тенденцией полонизации, «польщения белорусского языка». И. Лёсик, тогдашний редактор «Вольнай Беларусі», позднее добавил от себя о грамматике Б. Пачобки, что «этот опыт... не имел никакого значения. Ее автор вообще не знал ни белорусского языка, ни грамматики... без надлежащего образования, без грамматических знаний. Его работа сразу же встретила справедливую оценку да так и исчезла, никому неизвестная». При этом следует учитывать, что Б. Пачобка был ведущим преподавателем белорусского языка в Свислочской белорусской учительской семинарии, который «для белорусских школ» уже готовил языковые учебные пособия, не только одобренные германским школьным руководством, но и широко внедренные в образовательную систему в Обер-Ост¹⁶.

Заметное противоборство в кругу белорусских национальных деятелей в Обер-Ост достигло своего апогея в 1918 г., к моменту публикации учебника Р. Абихта, который к тому времени сильно запоздал со своей учебной книгой, в силу многих причин не имевшей сколь-либо видимого значения для школьного дела в Обер-Ост. Пользоваться этим малотиражным изданием не только в обычной школьной практике, но и при изучении белорусского языка в иноязычной образованной среде, в том числе немецкой, было необычайно сложно и даже практически невозможно. Прежде всего мешал особый шрифт, особая его графика, основанная на собственных языковедческих видениях и постулатах Абихта. На десятилетия книжка эта была забыта, оставаясь своего рода филолого-типографским курьезом со своими, понятными только их создателю, латинскими буквами, редчайшим курсивным шриф-

том без заглавных букв, который специально изготовили по его заказу. По сей день детально концепцию Р. Абихта, положенную в основу его учебника, никто не разбирал, небольшая заметка известной польской исследовательницы Э. Смulkовой не в счет — она лишь напомнила о существовании этого филологического курьеза (*Smulkowa* 1988), как и В. И. Куликович с его краткой информацией об этом давнем издании (*Куликович* 2013). Ну и конечно же, совершенно невозможно утверждать, как это делают некоторые современные нам исследователи, что этот учебник «стал настольным пособием для многих, кто хотел овладеть белорусским языком» (*Ляхоўскі* 2010: 132). Оригинал этой книги, если и попавшей на территорию Овер-Ост, то в весьма ограниченном числе экземпляров, они, скорее всего, даже не видели.

В трудном положении оказался к началу лета 1918 г. А. Луцкевич после публикации учебника Абихта, экземпляр которого попал в его руки. Совершенно правдиво печатно высказаться о книге он не мог и потому в специальной, достаточно пространной для газетного формата рецензии-обзоре, не допуская резких оценочных суждений, дипломатично сообщал: «К большому сожалению, мы не можем здесь выписать литеру в литеру заголовков этой книжки: вся она написана реформированным правописанием, и мы не имеем всех нововведенных знаков. Вот же и мы будем рассматривать ее как реформу нашего правописания... Книжка... имеет целью исключить в латинском правописании, используемом белорусами... пережитков... Первое, что бросается в глаза... это то, что заглавных букв в книжке совсем нет... Принципы, которыми руководствовались авторы реформы, на наш взгляд, абсолютно правильные... В целом, мы сердечно приветствуем идею проф. Абихта: при соответствующих условиях, с тем или иным изменением, она бесспорно должна лечь в основу реформы белорусского правописания» (*А. Л.* 1918: 34). Несомненно, автор этих слов против своей воли давал как бы видимую положительную оценку изысканиям Абихта в области белорусского языка, которым тот не владел. Одновременно А. Луцкевич в письмах Абихту называл «ценным трудом» его «Белорусскую грамматику» на немецком языке, рукопись которой была им послана в Вильно. Все эти оценки А. Луцкевича убеждали бреславльского профессора-пенсионера в значимости его белорусоведческих работ, тем более ему позднее якобы удалось договориться с Б. Тарашкевичем¹⁷ о помощи в доработке немецкоязычной грамматики для издания в Бреславле.

Брестский мир и последующая оккупация германскими войсками почти всех белорусских земель самым непосредственным образом сказались на

настроениях и ожиданиях европейских политических сил и населения, на видении будущего в среде белорусов в Обер Ост, а также самого Абихта. Кажется, Германия побеждала. Немецкоязычная «Белорусская грамматика» Абихта могла стать важным научным доказательством для западного ученого мира самостоятельности белорусского языка, а ее автор – авторитетным первооткрывателем такого основополагающего факта. Напечатать эту грамматику Абихту не удалось, неизвестно также, в какой степени готовности была ее рукопись, скорее всего она оставалась далеко не завершенной. Впрочем, «принципы» и «основы» этого итогового для Абихта белорусоведческого изыска были все те же, какие мы видим при анализе его учебника 1918 г., столь однозначно раскритикованного как широкой общественностью, так и учеными разных стран. Поэтому практически невероятным кажется и возможное участие Б. Тарашкевича в совместной работе с Абихтом, который называл его сразу же ставшую знаменитой грамматику «маленькой», а свою «большой». При этом Абихт ставил в один ряд грамматику Тарашкевича и Пачобки (*Сакалоўскі* 1994: 74).

В период существования Обер Ост Р. Абихт печатал свои белорусоведческие работы в немецкоязычной прессе, прежде всего местной, и газете «Гоман». Все они были не столь значительны, как его печатный учебник 1918 г. Основные из них касаются белорусской литературы, отчасти истории, этнографии и религии, последняя специально интересовала его как теолога. Свои прокатолические статьи он посвящал, например, Иосафату Кунцевичу и Андрею Боболе¹⁸. Необходимо еще раз подчеркнуть, что особое внимание Абихта к белорусскому языку возникло не сугубо из глубин многолетнего научного анализа, а почти мгновенно в результате возникновения той геополитической ситуации, которая сложилась на восточном фронте в ходе Первой мировой войны. Еще в период подготовки к ней и особенно с ее началом германские военно-политические силы формируют и осуществляют ряд обширных тайных планов по разрушению Российской империи изнутри. Один из них касался «нерусских народов России» («подневольных народов России»), которым отводилась главенствующая роль в этом процессе, ведущем к обеспечению полной триумфальной победы Германии и ее господству¹⁹. Именно из этих планов в конечном счете черпали свою этнонациональную доктрину и тактику в Обер Ост Э. Людендорф и П. фон Гинденбург, так или иначе именно эти германские планы и практики повлияли и на интерес Р. Абихта к белорусам. Газетная информация, в частности, донесла до него и голос белорусов, представленных виленскими деятелями, заявившими в ходе непосредственной

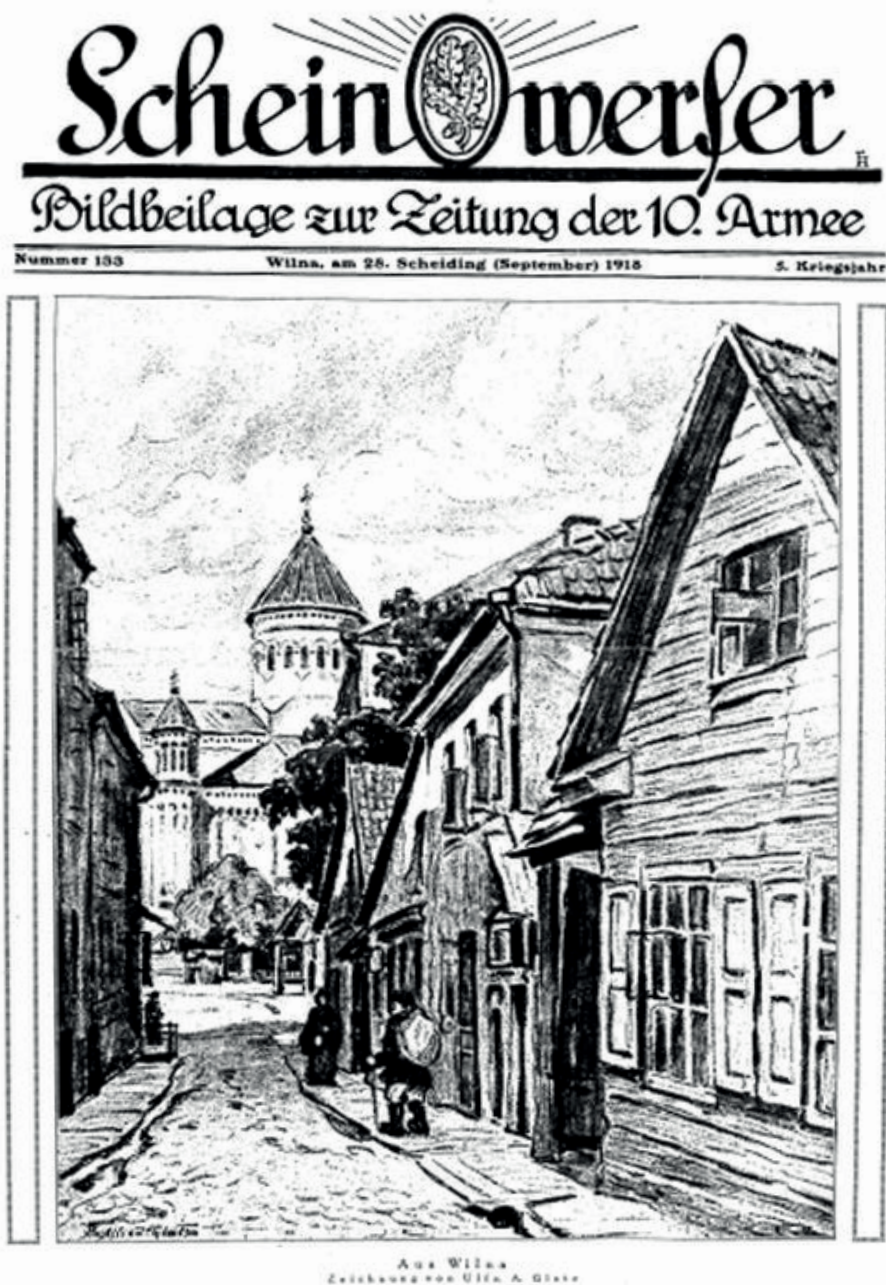
реализации этих тайных германских планов о необходимости помощи им со стороны «европейских народов», которые должны обеспечить «Белоруссии все политические и культурные права» (БДАМЛМ: Е. х. 193. Л. 59–60).

В целом же реальная жизнь белорусов в Обер Ост представлялась Р. Абихту, из его бреславского кабинета, видимо, достаточно туманно. У него не было и не могло быть живой связи с народной белорусской средой. Военная администрация Обер Ост оказывала ему возможную поддержку, как действовавшему в ее интересах, но он был лишь одним из целого ряда немцев, которых стали теперь интересоваться белорусы, и они непосредственно изучали их на местных просторах. Это молодое поколение немецких служащих в Обер Ост позднее создаст весьма внушительную критическую картину действий ее военной администрации и германских властей на Востоке в целом, достаточно только указать на многочисленные книги А. Цвейга и С. Гронемана. Печатным словам белорусских виленцев Абихту в общем-то приходилось верить, другой информации в Бреславле он иметь не мог. Неоднократно и с пониманием читал он их благодарственные признания германскому командованию за освобождение белорусского народа²⁰. Позднее, во время допросов в НКВД в 1939 г., А. Луцкевич многое прояснит о сущности белорусского движения в Обер Ост. «Мы сознавали, что в случае победы Германии судьба нашего края предрешена: в лучшем случае он будет представлять одно мелкое государство, возглавляемое каким-нибудь немецким принцем, в составе Германской империи. Но мы допускали и другой исход войны...» (Цит. по: *Лабынцев* 2004: 450). Несмотря на утверждение А. Цвикевича, что тогдашнее «Вильно, продолжающее вести работу культурно-просветительскую», как бы не могло «развернуться в базис политической борьбы» (*Цвикевич* 1918: 7), все это было чистой политикой, правда, в конечном итоге не в интересах белорусского народа. В конечном счете ей, германской политике, служило и белорусское школьное дело в Обер Ост, и даже белорусоведческие изыскания Р. Абихта. Они являлись для нее только узаконенным военными властями средством.

Примечательны первые слова некролога Р. Абихта, написанные А. Луцкевичем в 1921 г.: «Когда немецкие войска, в победном походе на восток, осенью 1915 г. заняли западную Белоруссию, – не только немецкие политики, но и немецкие ученые заинтересовались белорусским народом и белорусским вопросом» (*Луцкевич* 1921: 1). Осенью 1918 г. положение на фронтах резко изменилось, приближалась капитуляция Германии. 29 сентября 1918 г., в тот же день, когда П. фон Гинденбург и

Э. Людендорф заявили о необходимости правительственных перемен в Германии, а Болгария, капитулировав, вышла из войны на ее стороне, в Обер-Ост в приложении к «Газете 10 Армии» печатается заключительная часть большого очерка Р. Абихта «Из старой и новой истории Белоруссии»²¹. Последние строки этого очерка о белорусах, «подлинных пасынках счастья», которое им обеспечат «немецкие победы», выводящие их «на путь светлого бу-

дущего»²². Будущее это виделось бреславльскому профессору в отказе белорусов от такого основополагающего компонента своей духовности, как кирилловское письмо, кириллица, которую он предлагал заменить изобретенным им особым латинским письмом, совершенно неприемлемым в их среде, как многомиллионной православной, так и католической.

Вид на виленский православный кафедральный Пречистенский собор. Осенняя зарисовка 1918 г. унтер-офицера Альфреда Глатца, помещенная в иллюстративном приложении к оккупационной «Zeitung der 10. Armee» «Scheinwerfer» (Wilna, 28.09.1918)

Примечания

- ¹ Europas Zukunftskarte. Berlin: Fritz Steidls Verlag, [1915].
 - ² Das Land Ober Ost: Deutsche Arbeit in den Verwaltungsgebieten Kurland, Litauen und Bialystok-Grodno. Stuttgart; Berlin: Presseabteilung Ober Ost, 1917; *Liulevicius V.G.* War Land on the Eastern Front: Culture, National Identity and German Occupation in World War I. Cambridge: Univer. Press, 2004.
 - ³ *Стражас А. Ш.* «Земля Оберост» и ее место в германской восточной политике в годы Первой мировой войны: дис. ... д. ист. наук. Т. 1–3. Вильнюс, 1970; *Strazhas A.* Deutsche Ostpolitik im Ersten Weltkrieg: Der Fall Ober Ost 1915–1917. Wiesbaden: Herrassowitz, 1993.
 - ⁴ *Schweiger A.* Polens Zukunft liegt im Osten: Polnische Ostkonzepte der späten Teilungszeit (1890–1918). Marburg: Verl. Herder-Inst, 2014.
 - ⁵ Pierwsza niemiecka okupacja: Królestwo Polskie i kresy wschodnie pod okupacją mocarstw centralnych 1914–1918. Warszawa: Inst. Hist. PAN, 2019; Wersal 1919: Nowa kultura bezpieczeństwa dla Polski i Europy. Poznań: Inst. Zachod., 2019.
 - ⁶ Статут Беларускаго Таварыства па аказаньню помачы пацярпеўшым ад вайны. [Вільня], 1915.
 - ⁷ Белорусоведческий опыт Абихта к моменту выхода в свет указанного учебника составлял всего лишь около двух лет. Вместе с тем умение ученого, слависта и востоковеда позволило ему достаточно быстро сориентироваться в белорусской проблематике, начать изучать историю, культуру и язык белорусов, переводить с белорусского.
 - ⁸ У Вільні і ваколіцах. Унівэрсітэцкія лекцыі беларускай мовы // Гоман. 1916. № 88. С. 2.
 - ⁹ Праф. Абіхт аб нашых падручніках // Гоман. Ausgabe B. 1917. № 5. С. 2.
 - ¹⁰ *Kinель В., Кінель З.* Беларускі й беларусаведны друк на Захадзе. Асобныя выданьні: Бібліяграфія. Нью-Ёрк; Менск, 2003. № 45.
 - ¹¹ *Luckewiç Anton.* Belaruskaja hramatyka. Vilnja, 1916 / Edit. und Kommentar von H. Bieder unter Mitwirkung von K. Gutschmidt. Oldenburg: BIS-Verlag der Carl von Ossietzky Universität, 2017. Bd. 1; Bd. 2. (Studia Slavica Oldenburgensia, 28.1; 28.2).
 - ¹² *Luckewiç A., Stankiewiç J.* Bielaruski prawapis. Wilnia: Drukarnia M. Kuchty, 1918. S. 3.
 - ¹³ *Рацёбка В.* Hramatyka bielaruskaj mowy. Wilnia: Drukarnia «Homan», 1918.
 - ¹⁴ Справаздача аб «Граматыцэ беларускай мовы» Б. Пачобкі // Вольная Беларусь. 1918. № 18. С. 142–143.
 - ¹⁵ *Лёсік Я.* Дзесяцігодзьдзе беларускае граматыкі (1918–1928 г.) // Савецкая Беларусь. 1928. № 103.
 - ¹⁶ Verwaltungsbericht der Militärverbezirswaltung Litauen-Süd in Bialystok. Dr. d. Bialystoker Zeitung, 1917. S. 41.
 - ¹⁷ Тарашкевич Бронислав Адамович (1892–1938) – белорусский общественно-политический деятель, языковед, создатель первой нормативной грамматики белорусского языка.
 - ¹⁸ *Abicht R.* Andreas Boboli und Josafat Kuncewic, zwei Märtyrer des Jesuitenorden // Zeitung der 10 Armee. Wilna: 1918. № 626. S. [4].
 - ¹⁹ *Zetterberg S.* Die Liga der Fremdvölker Russlands: 1916–1918. Helsinki: Akateeminen kirjakauppa, 1978.
 - ²⁰ *Надаўсчына* // Homan. 1916. № 63. S. 2; *Беларусы Hindenburgu i Ludendorfu* // Homan. 1917. № 36. S. 2.
 - ²¹ *Abicht, prof. dr.* Aus der alten und neuen Geschichte der Weißruthenen // Der Beobachter. 1918. № 163. S. [2].
 - ²² Те же слова почти через четверть века повторит в Минске осенью 1941 г. В. Кубе: «Белорусы! Первый раз в истории победа Германии обеспечивает вашему народу свободное развитие и светлое будущее без русско-азиатско-большевистского угнетения и инационального господства» (*Кубэ В.* Гэнэральны Камісар Беларусі. Да жыхароў Беларусі // Раніца. 1941. № 26. С. 1). Исторические рамки сомкнулись. Германская белорусизация в Генеральном округе «Беларусь» продолжила начатую в Обер-Ост, включая привлечение местных политических деятелей, школьное образование и белорусскоязычную печать, которые сильно напоминали их предшественников 1915–1918 гг. Активнейшим участником этой новой германской белорусизации становится и бывший соавтор Р. Абихта Я. Станкевич, с приходом немцев перебравшийся в Минск.
- Сейчас, особенно в последние годы, в немецкой общественной мысли все настойчивее проводится взгляд о некой противоречивости планов Германской империи в свете общего ее натиска «Drang nach Osten» и в силу множества подобных обстоятельств неправомерности хоть какого-либо сопряжения немецких военно-политических деяний периода Первой и Второй мировых войн (см., напр.: *Klare* 2020). Попытка ФРГ столь наглядной подобной научно-политической реабилитации германской военной и идеологической экспансии в XX столетии весьма заметна и на примере Белоруссии. В 2019 г. была издана брошюра немецких политологов М. Дорнфельда и Э. Зеевальда «Die Beziehungen zwischen Deutschland und Belarus: 1916 bis 1925», которую в следующем году перевели на белорусский язык и опубликовали в Каунасе под заголовком «Ад-

носіны паміж Германіяй і Беларуссю ў 1916–1925 гадах». Вельма приметательныя слова былі произнесены авторамі гэтай брошюры на ёе прэзентацыі ў Каўнасе 2 кастрычні 2021 г. ў часе ачэрэднага «Міжнароднага кангрэса даследчыкаў Беларусі». Яны падкрэплівалі, што тагды, ў перыяд Першай сусветнай вайны, захапіў беларускія землі, немцы «былі акупантамі, а не ворагамі беларускага народа».

Істочнікі і матэрыялы

- àbiht, stankèwič* 1918 – *àbiht r., stankèwič ià.* pròsty spòsab stàcca u karòtkim čàše hràmatnym. breslaŭ, 1918.
 LMAVb. Rs – Lietuvos mokslų akademijos Vrublevskių biblioteka. Rankraščių skyrius. F. 79.
Ludendorff 1919 – *Ludendorff E.* Meine Kriegserinnerungen 1914–1918. Mit zahlreichen Skizzen und Plänen. Berlin: Ernst Siegfried Mittler und Sohn, 1919.
А. Л. 1918 – *А. Л.* Бібліографія // Гоман. № 48. Ansgabe B. 1918. № 48.
А. Н. 1925 – *А. Н.* Справа беларускага шрыфту // Беларускі Селянін: аднаднёўка. Вільня, 1925. 4. 08. С. 2.
 БДАМЛМ – Беларускі дзяржаўны архіў-музей літаратуры і мастацтва. Ф. 3. Оп. 1.
Кветка Вітан 1974 – *Кветка Вітан (Ю. Дубейковская).* Беларуская дзейнасць пад першай нямецкай акупацыяй // Запісы 12. New York, 1974. С. 60–61.
Кветка Вітан 1976 – *Кветка Вітан (Ю. Дубейкоўская).* Газэта «Гоман» // Запісы 13. New York, 1976. С. 67–69.
Луцкевич 1921 – *Луцкевич А.* Праф. Рудольф Абіхт (Жалобны ўспамін) // Наша Думка. 1921. № 26.
 Працы акадэмічнае канфэрэнцыі 1927 – Працы акадэмічнае канфэрэнцыі па рэформе беларускага правапісу і азбукі / пад рэд. С. Некрашэвіча, У. Ігнатюскага. Менск: Інст. Беларускае культуры, 1927.
Цвікевич 1918 – *Цвікевич А.* Краткий очерк возникновения Белорусской Народной Республики. Киев, 1918.

Научная литература

- Буланин Д. М.* Абіхт Рудольф // Энциклопедия «Слова о полку Игореве». Т. 1. СПб.: Дмитрий Буланин, 1995. С. 19–21.
Куліковіч У. І. Структура і змест брашуры «pròsty spòsab stàcca u karòtkim čàše hràmatnym» // Беларуска-руска-польскае супастаўленьне мовазнаўства, літаратуразнаўства, культуралогія: Зборнік навуковых артыкулаў. Віцебск: ВДУ імя П. М. Машэрава, 2013. С. 37–40.
Лабынцев Ю. А. «Белорусская проблема» 1914–1917 гг. в секретных литературных материалах польского Генерального штаба // Первая мировая война в литературе и культуре западных и восточных славян. М.: Инслав, 2004. С. 446–452.
Ляхоўскі У. Школьная адукацыя ў Беларусі падчас нямецкай акупацыі 1915–1918 гг. Беласток: Беларускае гістарычнае таварыства; Вільня: Інстытут беларусістыкі, 2010.
Ляхоўскі У. В. Першая беларуская нацыянальная педагагічная установа: Гісторыя ўтварэння і чыннасць Свіслацкай беларускай настаўніцкай семінарыі ў 1916–1918 гадах // Мінутае і сучаснасць Свіслацкага краю: зборнік навуковых артыкулаў. Мінск: Беларуская навука, 2018. С. 194–215.
Пашкевіч А., Чарнякевіч А. «Стары нямецкі агент» ці «Бацька радзімскага народу»? // Arche. 2005. № 4. С. 147–165.
Сакалоўскі У. Забытыя старонкі гісторыі // Шляхам гадоў: Гісторыка-літаратурны зборнік. Мінск: Мастацкая літаратура, 1994. С. 54–74.
Чарнякевич А. Н. БНР. Триумф побежденных. Минск: А. Н. Янушкевич, 2018.
Klare K. Imperium ante portas: Die deutsche Expansion in Mittel- und Osteuropa zwischen Weltpolitik und Lebensraum (1914–1918). Wiesbaden, 2020.
Poźniak T. Rudolf Abicht (1850–1921) i początki białorutenistyki wrocławskiej // Zbliżenia Polska-Niemcy. 1994. № 2. S. 88–94.
Smulkowa E. Informacja o mało znanej propozycji znormalizowania pisowni białoruskiej z 1918 // Studia polsko-litewsko-białoruskie. Warszawa: PWN, 1988. S. 305–310.
Snopko J. «Rządy niemieckie w Grodnie i okolicy» (1915–1917) // Studia Podlaskie. T. 22. Białystok, 2014. S. 163–185.
Turonek J. Białoruś pod okupacją niemiecką. Warszawa; Wrocław: Wers, 1989.
Watson A. Ring of Steel: Germany and Austria-Hungary in World War I. New York: Basic Books, 2014.

References

- Bulanin, D. M. 1995. Abikht Rudol'f [Abicht Rudolf]. In *Entsiklopediia «Slova o polku Igoreve»* [Encyclopedia «The Tale of Igor's Campaign»]. Vol. 1, 19–21. Saint Petersburg: Dmitrii Bulanin.

- Cherniakov, A. N. 2018. *BNR. Triumf pobezhdenykh* [BNR. The triumph of the vanquished]. Minsk: A. N. Janushkevich.
- Klare, K. 2020. *Imperium ante portas: Die deutsche Expansion in Mittel- und Osteuropa zwischen Weltpolitik und Lebensraum (1914–1918)* [Imperium ante portas: The German expansion in Central and Eastern Europe between world politics and living space (1914–1918)]. Wiesbaden: Harrassowitz Verlag.
- Kulikovich, U. I. 2013. Strukturura i zмест brashury «pròsty spòsab stàcca u karòtkim čàse hràmatnym» [The structure and content of the brochure «pròsty spòsab stàcca u karòtkim čàse hràmatnym»]. In *Belarуска-руска-пол'скае супастаўлен'нае мовазнаўства, лitarатуразнаўства, кул'turalohiia: Zbornik navukovykh artykulaŭ* [Belarusian-Russian-Polish comparative linguistics, literary studies, cultural studies. Collection of scientific articles], 37–40. Vitsebsk: VSU named after P. M. Masherov.
- Labyntsev, Yu. A. 2004. «Belorusskaia problema» 1914–1917 gg. v sekretnykh literaturnykh materialakh pol'skogo General'nogo shtaba [The «Belarusian Problem» of 1914–1917 in the secret literary materials of the Polish General Staff]. In *Pervaia mirovaia voina v literature i kul'ture zapadnykh i vostochnykh slavian* [The First World War in the literature and culture of the Western and Eastern Slavs], 446–452. Moscow: Inslav.
- Liakhoŭski, U. 2010. *Shkol'naia adukatsyia ŭ Belarusi padchas niametskaï akupatsyi 1915–1918 gg.* [School education in Belarus during the German occupation of 1915–1918]. Belastok: Belaruskaje historychnaje tavarystva; Vil'nia: Instytut belarustsystyki.
- Liakhoŭski, U. V. 2018. Pershaia belarускаia natsyianal'naia pedahahichnaia ustanova: Historyia ŭtvarènnia i chynnasts' Svislatskaï belarускаï nastaŭnit'skaï seminarii ŭ 1916–1918 godakh [The first Belarusian National Pedagogical Institution: The history of education and the activities of the Svisloch Belarusian Teachers' Seminary in 1916–1918]. In *Minulaje i suchasnasts' Svislatskaha kraiu: zbornik navukovykh artykulaŭ* [Past and present of the Svisloch region: a collection of scientific articles], 194–215. Minsk: Belarускаia navuka.
- Pashkevich, A. and A. Charniakov. 2005. «Stary niametski ahent» tsi «Bats'ka radzimitskaha narodu»? [«Old German agent» or «father of the Radimitsky people»]. *Arche* 4: 147–165.
- Poźniak, T. 1994. Rudolf Abicht (1850–1921) i początki białorutenistyki wrocławskiej [Rudolf Abicht (1850–1921) and the beginnings of Belarusian studies in Wrocław]. *Zbiżenia Polska-Niemcy* 2: 88–94.
- Sakaloŭski, U. 1994. Zabytyia staronki historyi [Forgotten pages of history]. In *Shliakham hadoŭ: Historyka-litaraturny zbornik* [By the way of years: historical and literary collection], 54–74. Minsk: Mastatskaia litaratura.
- Smułkowa, E. 1988. Informacja o mało znanej propozycji znormalizowania pisowni białoruskiej z 1918 [Information about a little-known proposal to standardize Belarusian spelling from 1918]. In *Studia polsko-litewsko-białoruskie*, 305–310. Warszawa: PWN.
- Snopko, J. 2014. «Rządy niemieckie w Grodnie i okolicy» (1915–1917) [«German rule in Grodno and the surrounding area» (1915–1917)]. In *Studia Podlaskie* 22: 163–185. Białystok: Wydawnictwo Uniwersytetu w Białymstoku.
- Turonek, J. 1989. *Białoruś pod okupacją niemiecką* [Belarus under German occupation]. Warszawa; Wrocław: Wers.
- Watson, A. 2014. *Ring of Steel: Germany and Austria-Hungary in World War I* [Ring of Steel: Germany and Austria-Hungary in World War I]. New York: Basic Books.

ABOUT THE GERMAN EXPANSIONIST LATINIZATION OF THE BELARUSIAN EDUCATIONAL SPACE DURING THE FIRST WORLD WAR: THE «PEOPLE'S» TEXTBOOK OF PROFESSOR RUDOLF ABICHT

Abstract. By the beginning of the twentieth century, many geopolitical theories and views at all levels considered the issues of major changes in the near future on the political map of Europe. At the same time, the well-known concept of Mitteleuropa crystallized, very diverse already at the first stage of its appearance, exciting minds to this day. The First World War, the seizure by German troops of vast spaces in the west of the Russian Empire made it possible for a separate occupation zone «Das Land Ober Ost» to appear on their part, during the creation of which they were guided by both military-strategic and political-social ideas of the supreme army command, including its views on the romanization of the Belarusian cultural and religious space, including school business. It was then that the reformatory Latin textbook of the Belarusian language was prepared and published in 1918 in Breslau (Wrocław) by professor of the Breslau University, Pastor Rudolf Abicht (1850–1921), which the author saw as essentially nationwide, contributing to the conditions of «German victories» to provide Belarusians with the opportunity to «free themselves from the fetters of... Russian writing».

Keywords: latinization of the Belarusian writing, Cyril and Methodius heritage, Orthodoxy, World War I, school education, Germany, Ober-Ost, Rudolf Abicht.

Authors Info: Labyntsev, Yuriy O. – Dr. in Philology, Leading Researcher, the Russian Academy of Sciences Institute of Slavic Studies (Moscow, Russian Federation), E-mail: jlabync@mail.ru , ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-7900-6143>

For citation: Labyntsev, Yu. O. ABOUT THE GERMAN EXPANSIONIST LATINIZATION OF THE BELARUSIAN EDUCATIONAL SPACE DURING THE FIRST WORLD WAR: THE «PEOPLE'S» TEXTBOOK OF PROFESSOR RUDOLF ABICHT. *Tradition and modernity (Traditsii i sovremennost)* 34: 3–18

